

ХРОНИКА

О. Б. Бубенок

Б. А. КАЛОЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ АЛАНОВ (к 100-летию со дня рождения)

15 февраля 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного этнолога-кавказоведа Б. А. Калоева. Борис Александрович Калоев много лет проработал в секторе народов Кавказа Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, а с 1990 г. – в отделе народов Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Сфера его научных интересов довольно широка: он является автором значительного количества статей и монографий, посвященных происхождению, религии, материальной культуре, традиционным занятиям многих народов Северного Кавказа, а также исследователям народов Кавказа – В. Ф. Миллеру, М. Ковалевскому и др. Значительное место в его исследованиях занимает осетинская тематика. Необходимо отметить, что немало внимания в своих исследованиях Борис Александрович уделял вопросам этнической истории осетин и их соседей. Поэтому заметное место среди его работ заняли исследования, посвященные аланам. И нужно сказать, что за десятки лет работы он значительно дополнил и расширил исследования предшественников, занимавшихся данной проблемой.

Уже в своих ранних работах Б. А. Калоев на основе привлечения данных этнографии и фольклора сумел доказать, что в этногенезе осетин приняли участие два основных компонента: древнекавказский и скифо-сармато-аланский. Однако тогда исследователь так и не смог определить, какой из них был преобладающим. Так, еще в 1967 г. в сборнике статей “Происхождение осетинского народа” была напечатана его большая статья “Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин”, где исследователь попытался найти решение многих спорных вопросов из этнической истории осетин, особенно касающихся участия аланов в этногенезе осетинского народа [Калоев 1967, 98–124; Калоев 1999, 4–37]. Тогда Борис Александрович придерживался мнения, что существование двух субэтнических групп внутри осетинского этноса представляло собой результат племенного деления северокавказских аланов до нашествия Тимура в конце XIV в. Что же касается территории средневековой Алании, то исследователь полагал, что она “простиралась от верховьев Кубани и Большой Лабы до современного Дагестана, охватывая также оба склона хребта Центрального Кавказа”. При этом Б. А. Калоев не считал южных осетин-туальцев прямыми потомками аланов, а видел в них то население, которое образовалось “уже на кавказской почве в результате ассимиляции аланами местного кавказского племени двалов (туалов)” [Калоев 1999, 4–6].

Что же касается обоснования идеи о прямой преемственности осетин от аланов, то Б. А. Калоев широко использовал этнографический материал, подтверждающийся данными фольклора. Так, он считал, эти давние связи осетин с народами скифо-сармато-аланского мира должны были отразиться на традиционных занятиях осетин. Ученый совершенно справедливо отметил, например, что традиции коневодства осетин уходят своими корнями в древность, когда ираноязычные предки осетин проживали в степи. Эта связь прослеживается в погребальных традициях

осетин, которые буквально до XX в., как и их кочевые предки, сохраняли обряд посвящения коня покойнику. Однако Б. А. Калоев совершенно справедливо заметил, что коневодство у аланов заглохло в послемонгольский период, потому что они были загнаны в горы с равнины [Калоев 1999, 7–12]. Преимущество осетин от кочевого мира исследователь отметил и в том, что осетины были очень хорошо знакомы с “традициями переработки и хранения молока и молочных продуктов” [Калоев 1999, 12].

Кроме того, Б. А. Калоев связывает с аланским наследием и развитое в среде осетин пчеловодство, и изготовление из меда хмельного напитка – ронга. Это подтверждается данными нартовского эпоса осетин, а также сообщениями античных авторов о скифах и аланах. У осетин, по наблюдениям исследователя, сохранился даже культ покровителя пчеловодства, которого звали Анигол [Калоев 1999, 16].

Отметил следы аланов Б. А. Калоев также в бытовых особенностях осетин. Так, он утверждал: “Неотъемлемой частью осетинского села, весьма явственно связывающей осетин с аланами, является нихас – место сборищ мужчин для решения важнейших общественных вопросов, название которого восходит к древнеиндийскому”. Об этом свидетельствуют не только сведения нартовского эпоса, но и данные археологии – следы нихаса в аланском селении Лац Куртатинского ущелья в Северной Осетии [Калоев 1999, 19–20].

Б. А. Калоев, как и многие современные этнологи, справедливо считал, что “важным фактором в определении этнических компонентов, участвовавших в формировании осетинского народа, являются пища и напитки”. К числу аланских блюд у осетин Б. А. Калоев отнес “фыдджын” (пирог с мясом), а также напиток “багаены” – пиво [Калоев 1999, 22–23]. В одежде осетин Б. А. Калоев также отметил следы кочевого быта: “своеобразные головные уборы, башлык, бурка, мягкие полусапожки”, а также “куырат” (бешмет) [Калоев 1999, 25–27]. Немало внимания уделил в данной работе Борис Александрович и погребальным обычаям осетин, которые совершенно обосновано были связаны им с погребальными обычаями аланов [Калоев 1999, 28–29], что заслуживает отдельного рассмотрения.

Религия осетин, а точнее, пережитки языческих верований, по справедливому замечанию Б. А. Калоева, также находят объяснение в традициях аланов. Так, исследователь отметил культ семи богов – *авд дзуары*, о бытовании которого у аланов писали древние и средневековые авторы [Калоев 1999, 30]. Напомним, например, что в V в. Псевдо-Арриан писал: “На нынешнее же время Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть Семибожний” [Латышев 1948, 235].

Эти и другие факты позволили Б. А. Калоеву уже в 1967 г. сделать следующий вывод: “К началу монгольского завоевания аланы-осетины в основном сложились как народность. Монгольское нашествие нарушило развитие этого процесса. Более поздние этапы этногенеза осетин хорошо прослеживаются по данным расселения, легендам и преданиям. Монгольское нашествие, сокрушившие аланскую державу, оказалось наиболее тягостным и разорительным для осетин-дигорцев, во много раз сократившихся в численном отношении и ограниченных территориально одним Дигорским ущельем в бассейне реки Урух. Увлеченные общим потоком движения монгольских полчищ на запад, значительное число осетин-дигорцев приняло также участие в этногенезе балкарцев, карачаевцев и кабардинцев” [Калоев 1999, 31]. Высказанные в статье “Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин” идеи получили дальнейшее развитие и в последующих работах Б. А. Калоева.

Так, в 1968 г. идея об участии аланов в этногенезе осетин снова была затронута в его статье “Скифо-сармато-аланно-осетинские параллели”, напечатанной в сборнике “История, археология и этнография Средней Азии” [Калоев 1968; Калоев 1999, 37–55]. Кроме отмеченных материалов из этнографии и нартовского эпоса осетин, исследователь использовал данные других смежных дисциплин. Так, данные

археологии позволили ему считать, что северокавказские аланы разводили не только лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, но не могли обходиться без собак. А это подтверждается и другими источниками. Данные археологии позволили исследователю отметить высокий уровень земледелия на территории северокавказской Алании. При этом орудия труда аланов были во многом идентичны тем, которые бытуют среди осетин [Калоев 1999, 37–55].

Как уже отмечалось, Б. А. Калоев показал, что аланы приняли участие в этногенезе карачаево-балкарцев, ингушей, а также некоторых народов Средней Азии, прежде всего туркмен. Для доказательства этого ученый широко использовал метод этнографических параллелей.

Особый интерес представляет статья Б. А. Калоева “Осетино-балкарские этнографические параллели”, напечатанная в 1972 г. в журнале “Советская этнография” [Калоев 1972; Калоев 1999, 79–91]. Материалом для написания статьи стали результаты полевых исследований, проведенных автором в 1966 г. в Балкарии. Необходимо отметить, что Б. А. Калоев одним из первых обратил внимание на то, что многие балкарские и осетинские фамилии одинаковы. Это он объяснил фактом миграции или проживания на территории Балкарии предков осетин. Подтверждение этого он также нашел в генеалогических преданиях балкарцев [Калоев 1999, 79–82].

Общие черты отметил Б. А. Калоев также в материальной культуре балкарцев и осетин, особенно дигорцев. Это касается, прежде всего, сельскохозяйственных орудий, способа приготовления молочных продуктов, а также башенной и склеповой архитектуры. Исследователь также отметил, что немало слов осетин-дигорцев и балкарцев, касающиеся земледелия и скотоводства, во многом сходны. Имеются и общие блюда, например пироги с сыром [Калоев 1999, 82–87].

По наблюдениям Б. А. Калоева, “Близость осетин, балкарцев и карачаевцев проявляется в семейных обрядах, в частности в свадебных, а до принятия балкарцами и карачаевцами мусульманства сходство существовало и в похоронных обычаях”. Так, из числа первых исследователь особо отметил отправление невестки по воду и снятие платка с ее головы. Из числа общих похоронных обрядов Б. А. Калоев особо выделил состязания по стрельбе в честь покойника, конные скачки и т. п. Отметил исследователь и другие общие обычаи карачаево-балкарцев и осетин, например стрельба в небо во время лунного затмения [Калоев 1999, 87–88].

Все это позволило Б. А. Калоеву сделать важный вывод, касающийся этногенеза карачаево-балкарцев: “Пришлые тюркоязычные племена, поселившиеся в горах рядом с давно обитавшими там аланами, постепенно сближались с ними, передали им свой язык и некоторые обычаи, восприняв, в свою очередь, многие элементы аланской культуры” [Калоев 1999, 89].

Кроме того, Борис Александрович одним из первых отметил аланский след в этнокультурном наследии вайнахов. Так, в своей статье “Осетино-вайнахские этнокультурные связи”, опубликованной в 1989 г. в “Кавказском этнографическом сборнике”, Борис Александрович указал “общие черты в культуре осетин и вайнахов”. Исследователь обратил внимание на родовые связи осетин и ингушей, что нашло свое отражение в генеалогических преданиях обоих народов. Исследователь также выделил общую башенную архитектуру в местах расселения ингушей и восточных осетин. Было отмечено общее также в традициях погребений в склепах среди осетин и ингушей. Немало общего было выделено и в сельскохозяйственных орудиях: горное пахотное орудие волокуша и коса. Исследователь также подметил еще одну важную особенность: “Немало примеров общности мы находим в духовной культуре этих народов, в их обычаях, нравах, обрядах, фольклоре, а также в дохристианских и домусульманских религиозных воззрениях. Ингуши в этой области стоят намного ближе к осетинам, чем к родственным им чеченцам. В этом можно убедиться, например, при рассмотрении самых различных вопросов, касающихся

общественного и семейного быта вайнахов и осетин”. В качестве доказательства этого исследователь привел обряд примирения родственников, который у ингушей больше похож на осетинский, чем на чеченский. Были отмечены также общие черты в свадебных и похоронных обрядах осетин и вайнахов. Это позволило сделать вывод, что “наибольшую близость осетинская традиционная культура обнаруживает с ингушской культурой”. Все это стало подтверждением выдвинутого Б. А. Калоевым предположения, что в данном районе в прошлом существовало “длительное взаимодействие алан и коренных обитателей Северного Кавказа” [Калоев 1989; Калоев 1999, 91–111].

Кроме того, Б. А. Калоев отметил также факт участия аланов в этногенезе населения Средней Азии, что нашло отражение в его статье “Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией”, опубликованной в 1977 г. в Тбилиси в сборнике “Вопросы иранской и общей мифологии”. Привлеченные в работе этнографические параллели в культуре осетин и народов Средней Азии (прежде всего туркмен) и Казахстана позволили ученому подтвердить предположение его предшественников, что из Средней Азии “скифо-сарматы и аланы пришли в Европу, двигаясь по северному пути между Уральским хребтом и Каспием” [Калоев 1977; Калоев 1999, 56–77].

В качестве доказательства этого в данном исследовании Б. А. Калоев обратил внимание на параллели в семейных традициях осетин и некоторых народов среднеазиатского региона. Так, исследователь отметил, что у осетин, каракалпаков, казахов и туркмен жилище традиционно делилось на мужскую и женскую половины [Калоев 1999, 66–67]. Однако эти совпадения можно объяснить не столько генетическими связями, сколько влиянием ислама, который имел распространение также среди соседей осетин. Б. А. Калоев указал некоторые сходные черты в погребальных обрядах осетин и некоторых народов Средней Азии и Казахстана. Прежде всего, это касается скачек в честь покойника, получивших среди осетин название *дугъ* (скачки), сцен оплакивания умершего, поминок, на которых “перед стариками и старейшинами непременно ставили голову животного и некоторые его части” и т. п. Подобные обычаи сохранились не у всех кочевых народов среднеазиатского региона, что позволило Б. А. Калоеву сделать следующий вывод: “Несомненно, что иранские черты культуры имели широкое распространение почти по всей территории Средней Азии; в одних районах они удерживались, а в других, наоборот, исчезали под влиянием различных обстоятельств” [Калоев 1999, 65–66]. Б. А. Калоев также отметил и другие параллели в идеологии осетин и народов Средней Азии. Это касается, прежде всего, почитания тотемных животных – оленя, волка, быка и т. п., что позволило исследователю прийти к выводу: “Таким образом, следы тотемизма, в частности почитание оленя и волка в качестве тотемных животных, прослеживаются, с одной стороны, у осетин, унаследовавших их от своих предков – древнеиранских племен, а с другой стороны, у народов Средней Азии, в этногенезе которых, как известно, участвовали те же иранские племена” [Калоев 1999, 60–64].

Конечно же, нельзя обойти вниманием монографию Б. А. Калоева “Осетины”, которая выдержала три издания [Калоев 1967; 1971; 2004], причем с новыми дополнительными материалами. В последнем издании монографии во второй главе “Этногенез и этническая история осетин” Б. А. Калоев относительно участия аланов в процессе формирования осетинского народа отметил: “...до монгольского нашествия аланы, населявшие горные и предгорные районы центральной части Северного Кавказа, жили в окружении предков многих современных кавказских народов и некоторых тюркоязычных племен средневековья. Это нашло яркое отражение в материальной и духовной культуре осетин, в их мифологии, фольклоре, религиозных верованиях. Нашествие монголов вызвало массовую миграцию алан в горы. Одним из первых мигрировало население Западной Алании, потесненное не только

монголами, но и вторгнувшимися сюда во второй половине XIII в. из низовий Кубани кабардинскими племенами” [Калоев 2004, 85]. По мнению исследователя, лишь после нашествия Тимура в конце XIV в. аланы окончательно покинули равнину и заселили нынешние Центральную и Южную Осетию [Калоев 2004, 86]. Интересно, что уже в последней редакции книги исследователь стал склоняться к мнению, что ведущую роль в этногенезе осетин сыграли не местные кавказские племена, а именно аланы, которые в домонгольское время проживали на широком пространстве степей Северного Кавказа [Калоев 2004, 86–100].

Наибольший же интерес представляет одна из последних монографий Б. А. Калоева “Венгерские аланы (ясы)”, которая была опубликована в 1996 г. Необходимо отметить, что до этого венгерские этнологи лишь описывали традиционную культуру венгерских ясов, не сравнивая ее с культурой других народов. Из числа таких работ следует выделить исследования венгерского этнолога Л. Сабо [Szabó 1974; 1979; 1982]. Кроме того, данной проблемой также занимался В. А. Кузнецов. Результаты своих исследований, среди которых были и полевые исследования в Венгрии, он довольно подробно изложил в одном из разделов своей книги “Алано-осетинские этюды”, опубликованной в 1993 г. Для анализа им были привлечены данные письменных документов, археологии, топонимии и в определенной степени этнографии. Это дало возможность В. А. Кузнецову выдвинуть гипотезу о северокавказском происхождении венгерских ясов, которые, по его мнению, могли переселиться во времена монгольского нашествия в Паннонию вместе с половецким ханом Котьяном [Кузнецов 1993, 112–151]. Однако для доказательств предложенной гипотезы не были в достаточной степени использованы этнографические материалы.

В отличие от него, Б. А. Калоев в своей монографии “Венгерские аланы (ясы)” впервые сумел сравнить достаточно подробно культуру венгерских ясов с традициями осетин и таким образом доказал, что венгерские ясы являются прямыми потомками тех северокавказских аланов, которые, по его мнению, в XIII в. из-за нападений монголов вынуждены были переселиться в Паннонию. Материалы для написания книги были собраны исследователем во время его экспедиций в венгерскую область Ясшаг в 1983, 1984 и 1989 гг. Как вспоминал Борис Александрович, информации было собрано настолько много, что несколько лет ушло на ее обработку. Дело осложнялось еще тем, что публикации по венгерским ясам были на венгерском языке. И лишь более чем через 10 лет исследование, базировавшееся на сравнительном анализе традиционной культуры осетин и венгерских ясов, было завершено, что и выразилось в выходе монографии. При этом объектом сравнительного анализа стала не только материальная культура, но и семейная обрядность, религиозные верования и т. п. Все это было сопоставлено с данными письменных документов, топонимии, физической антропологии, лингвистики (Ясский глоссарий), археологии. На основании этого Б. А. Калоев сумел доказать, что венгерские ясы действительно являлись потомками аланов Северного Кавказа, а не аланами из других регионов [Калоев 1996].

Несмотря на достигнутые результаты, Б. А. Калоев все время подчеркивал, что многие вопросы из истории средневековых аланов еще не решены и ждут своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // **Происхождение осетинского народа**. Орджоникидзе, 1967.
- Калоев Б. А. **Осетины**. Москва, 1967а.
- Калоев Б. А. Скифо-сармато-алано-осетинские параллели // **История, археология и этнография Средней Азии**. Москва, 1968.
- Калоев Б. А. **Осетины**. Москва, 1971.

- Калоев Б. А.* Осетино-балкарские этнографические параллели // **Советская этнография**, 1972, № 3.
- Калоев Б. А.* Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // **Вопросы иранской и общей мифологии**. Тбилиси, 1977.
- Калоев Б. А.* Поездка к венгерским ясам // **Советская этнография**, 1984, № 6.
- Калоев Б. А.* Осетино-вайнахские этнокультурные связи // **Кавказский этнографический сборник**. Т. IX. Москва, 1989.
- Калоев Б. А.* **Венгерские аланы (ясы)**. Историко-этнографический очерк. Москва, 1996.
- Калоев Б. А.* **Осетинские историко-этнографические этюды**. Москва, 1999.
- Калоев Б. А.* **Осетины**. Москва, 2004.
- Кузнецов В. А.* **Алано-осетинские этюды**. Владикавказ, 1993.
- Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта // **Вестник древней истории**, 1948, № 4.
- Szabó L.* **A jáász etnikai csoport. A jáász etnikum a jáászági műveltségi egység: Kandidátusi értékerés tezisei**. Szolnok, 1974.
- Szabó L.* **A jáász etnikai csoport. A jáász etnikum a jáászági műveltségi egység néprajza**. Т. I. Szolnok, 1979.
- Szabó L.* **Jáászág**. Condolat, 1982.